

МАМКА СКАЗАЛА: «Не хрюкай»

Вместо предисловия.

Маленький штрих по линии естественного, а скорее, неестественного, отбора населения случился на окраине одного из наукоградов наших необъятных просторов. Про детище Ивана Владимировича упомянуто не случайно: здесь не ждали милостей от природы; задачей селекционеров было брать всё лучшее, что она даровала и создавать новое. Оно культивировалось, а худшее, понятное дело, отбрасывалось. У великого учёного здОрово получалось управляться с сортами культурных растений. Животным миром он не занимался.

Достоверно не известно, кто создал человека (не считая труда, конечно), явно, что селекционный отбор, независимо от чьего-либо желания, коснулся и Homo sapiens, только, деликатно выразиться, с точностью до наоборот. Это особенно наглядно, поскольку не сбылись надежды великого реформатора начала девятнадцатого века – Петра Аркадьевича: численность питомцев не достигла пятисот миллионов, на что он, по наивности своей и гениальным подсчётам о необходимости бурного развития Отечества, рассчитывал.

К концу рабочего дня народ прибивается к своим домам, и в тихий переулок рабочего посёлка на окраине вышеупомянутого, весьма уважаемого и сердечно любимого автором, родного Наукограда, тоже подтягивался приуставший за трудовой день люд.

Виталик, педантично возвращаясь со службы в одно время, полшестого, открыл калитку в своё небольшое поместье, окинул взором начавший отцветать сад. Полюбовался на белоснежные, невесомо падающие оставшиеся ещё кое-где лепестки цветов с деревьев, предвкушая аромат антоновских яблок предстоящей осени. Минутку передохнул на аккуратно выкрашенном в зелёный цвет крылечке.

Перед праведным, заслуженным отдыхом, перед тем как полистать газеты, посмотреть телевизор, пообщаться с любимым автором недочитанной книги, необходимо принять душ.

Кстати, а может, и наоборот – беды не ждёшь! – девушка возьмёт да и вспомнит, позвонит, либо сама, плюнув на одиночество, наведается –

накопившийся за день негатив однозначно смыть. Заглянул в голубятню. Ненавязчивое хозяйство тоже внимания требует.

Любимые голубки, дождавшись хозяина, деловито ворковали. Виталик одну поцеловал, другую, накачал им водички из глубинного колодца. Пчёлкам в лотки свежей травки набросал, тоже водой заполнил: пейте труженицы, несите взятку, потешайте хозяина. В доме на стене картина висит. На ней изображена летящая жужжащая пчела, удерживающая в лапке сверкающую на солнце копейку. Всё в дом, между прочим.

Виталий, между делом, ружьишко успел прочистить. Летний день долгий, работы много набирается.

Вроде всё, пора и отдохнуть.

Закинув на плечо мягкое пушистое полотенце, мужчина не торопясь направился в дальний конец огорода, где оборудовал летний душ. Не успев обнажить крепкое спортивное тело, услышал, что кто-то хрюкает по-боровьи.

Как заядлый охотник, спутать эти звуки ни с чем не мог. Мужчина опешил, позволено допустить, что даже оторопел от неожиданности:

- Откуда тут секачи?

Угрожающие звуки повторились. Полуголый малый выглянул наружу, осмотрелся - никого нет. Намереваясь продолжить намеченное действие, вернулся в своё некапитальное укрытие. Вновь послышалась подозрительная возня, хрюканье. Примешивались и другие звуки.

Спокойствие было нарушено. Виталий, накинув рубаху, вышел в огород, окончательно потеряв интерес к будничным вечерним радостям. Заглянув за забор смежной усадьбы, обнаружил приваленный к засыхающему стволу плодового дерева огромный мешок, завязанный сверху то ли верёвкой, то ли шнурком. Это был даже не мешок, не гигантского размера наволочка, а выцветший чехол от матраца, с признаками когда-то существовавших на нём продольных полос по всей необъятной территории, отголосках, не всем ведомого, бывшего, быть может, даже лагерного прошлого. Не дай Бог, туда попасть, не к ночи будь сказано! Хотя от тюрьмы и от сумы..., сами знаете.

В матерчатом хранилище животное явно хрюкало, пыталось приподняться, но снова заваливалось набок, дрыгалось, не сдаваясь, не переставало подавать активные признаки жизни.

- Глянь, кто-то стащил поросёнка, привязал, завтра забьёт и увезёт на продажу, -

начал рассуждать незадачливый наблюдатель.

Виталик решил немного развлечься, поскольку протокольные планы безвозвратно порушены и образовалась такая муть. Набрав немного не самых крупных земляных камней, приступил бросаться ими в сторону загадочного чудовища. Существо приподнималось, рычало, булькало, хрюкало, снова падало, но не сдавалось. Камушки закончились, но любопытство не было удовлетворено:

- Да что же это за страсть такая!

У Виталия, после некоторых аналитических выводов, естественно, возникли сомнения, что в наволочке свинья. Волнение не унималось, и расстроенный сосед намеревался уже покинуть поле необъявленного сражения, но тут, откуда ни возьмись, из-за сарая вылетел взволнованный расторопный малец лет семи-восьми и проорал, что есть мочи:

- Папаня, не хрюкай, мамка за скалкой пошла! Огреет, если шуметь будешь! Лучше молчи! Мамка хрюкать не велела, а то соседи услышат! Когда проспиться, выпустит!

Мешок осел, покорно сложился в запятую и затих.

Пацанёнок исчез.

Возникшая в поле зрения не первой свежести баба, в меру порванном халате, с битой или ещё каким-то деревянным предметом в руке, обозрела окрестности, ограниченные от остального мира ветхим штакетником. Кругом - ни звука. Удовлетворённая увиденной картиной, чинно удалилась.

Вопросов у неё не было, у выглядывавшего из-за бани соседа они тоже не наметились.

Возвратившийся в душ мужчина недобро подумал о женщине, о негативе семейной жизни, о том, «надо ли вообще жениться».

Позже Виталий узнал, что жена таким образом ограничивала свободу своего благоверного, чтобы он в пьяном угаре не распускал руки и не бегал по улице в непотребном виде.

Выныривавшая время от времени у Виталия шальная мысль о женитьбе не обнаруживала берегов и булькала в воду, как поплавок. «Если он когда-либо свяжет себя узами, то дождь пойдёт с лягушками или кто-то сдохнет», – так он

обозначил своё жизненное кредо и строго этого придерживался. Страшнее всего, по его откровенному признанию, было «увидеть возле своей кровати тётку в халате».